

ТРИ ДВЕРИ СМЕРТИ



ПРЕДИСЛОВИЕ

Просматривая описания этих трех дел, мне показалось, что они могут дать человеку, незнакомому с Вулфом, неправильное представление о нем, а потому я подумал, что не помешало бы вставить предисловие. Оно рассчитано на тех, кто ранее не встречал Вулфа. Только в одном из этих дел за работу ему заплатили — я имею в виду деньгами. Возможно, кто-нибудь сделает совершенно нелогичный вывод, который в результате обернется досадой или даже неприятностями. Спешу пояснить: Вулф не раскрывает убийства просто так. Он делает это, чтобы зарабатывать на жизнь, в том числе и на мою. И если он не будет выплачивать каждую пятницу мне жалованье, то не сможет вести тот образ жизни, который ему нравится. Хочу обратить ваше внимание, что на самом деле в двух других случаях Вулф действительно что-то получил: в одном — удовлетворение оттого, что помог старому и дорогому другу, а в другом — садовника, заменившего Теодора.

Вот с учетом этого предупреждения мне и понравилась идея соединить три дела под одним названием, потому что они образуют сложную комбинацию пар. В двух из них Вулф не получил гонорар. В двух из них он должен был забыть документ, чтобы переломить ситуацию. В двух из них убийство было чисто семейным делом. В двух из них я познакомился с молодой женщиной, но не с той, которая была так близка к убийству. Поэтому я думаю, что, объединенные под одним общим названием, они будут немного более интересными, конечно, если люди не начнут мне звонить с просьбой, чтобы я уговорил Вулфа раскрыть убийство в качестве подарка. Я просто предупреждаю вас.

Арчи Гудвин

ОЖИВШИЙ ПОКОЙНИК

ГЛАВА 1

— «Домери и Нидер», — произнесла она ласкающим слух голоском; внимать ей было суще удовольствие.

— Будьте любезны, по буквам, — вежливо попросил я.

Мне хотелось уточнить, как пишется «Домери». «Нидер» я уже успел занести к себе в блокнот. Именно такую фамилию носила моя собеседница — Синтия Нидер.

Выражение ее очаровательных светлых глаз тут же изменилось, будто девушка заподозрила, что я шучу. Она смотрела на меня так, словно я спросил, как пишется фамилия Шекспира или Чарли Чаплина. Судя по всему, я являл собой образ воплощенной невинности, поэтому посетительница вежливо улыбнулась и произнесла по буквам:

— «Дэ», «о», «эм», «е», «эр», «и», — при этом добавив: — Седьмая авеню, дом четыреста девяносто шесть. Вот до чего доводит зазнайство и самоуверенность. Считаешь, что имя твоей компании гремит на весь свет, а тут кто-то уточняет, как оно пишется. Интересно, как бы вы отреагировали, если бы кто-нибудь поинтересовался у вас, как пишутся имя и фамилия Ниро Вулфа?

— Спросите — и узнаете, — предложил я, улыбнувшись в ответ, и протянул руку. — Давайте нащупайте пульс и задайте этот вопрос. Но умоляю, не просите меня произнести по буквам имя и фамилию Арчи Гудвина. Тогда вы действительно сделаете мне больно. Дело в том, что Арчи Гудвин — это я.

Вулф недовольно заворчал и заерзал в изготовленном на заказ, специально для него, кресле, стараясь поудобнее разместить свое массивное тело весом в несколько сот фунтов.

— Вы договорились со мной о встрече, — произнес он. — Полагаю, вам нужен частный детектив. Если так, скажите, за чем я вам понадобился. И не потакайте мистеру Гудвину, а то он тут же начнет вести себя как мартовский кот. Ему много не надо.

Я решил пропустить его колкость мимо ушей, хотя он был явно несправедлив. Я куда разборчивее мартовского кота. Моя снисходительность объяснялась довольно просто: Вулф только что купил новый «кадиллак-седан», а это означало, что у меня, Арчи Гудвина, появилась новая машина. Из четырех обитателей особняка Вулфа из бурого песчаника на Тридцать пятой улице, рядом с Гудзоном, машину вожу лишь я один.

Сам Вулф полагает, что все движущиеся механизмы созданы с единственной целью — его погубить. Из дому он выходит редко, причем по делам — практически никогда. Сидит у себя в кабинете на первом этаже и шевелит в основном мозгами, да и то когда мне удастся его к этому принудить.

Наш повар и дворецкий Фриц Бреннер машину водить умеет, но тщательно это скрывает, а кроме того, не имеет водительских прав.

Цветовод Теодор Хорстман, лелеющий орхидеи в оранжерее на крыше, предпочитает полезные для здоровья пешие прогулки и, несмотря на возраст, все еще пытается доказать их пользу на практике.

Таким образом, обязанность водить машину лежит на мне. Мало того что я главный помощник Вулфа в сыскной работе, бухгалтер и стенографист, назойливый овод, который не дает ему бить баклуши, и маховик, приводящий все в движение, так мне еще приходится выполнять работу шофера и мальчика на побегушках. Следовательно, новая машина, по сути, была моей. Потому-то в знак признательности я решил разок спустить Вулфу колкость, когда он обозвал меня мартовским котом. Кроме того, машина обошлась нам довольно дорого, между тем как мы вот уже целую неделю сидели без дела. А сейчас в воздухе пахло заданием, а значит, и гонораром. У голубоглазой красотки явно водились деньжата. Ответь я Вулфу шпилькой

на шпильку, он мог бы рассвирепеть, пойти вразнос и оскорбить заодно нашу гостью, лишив нас работы.

В итоге я лишь понимающе улыбнулся Синтии Нидер, взял ручку и блокнот и прочистил горло.

ГЛАВА 2

— «Домери и Нидер», — начала Синтия, — весьма достойная компания. Как и все те, что расположены на Седьмой авеню и Пятьдесят седьмой улице... Впрочем, вы не торгуете одеждой, потому название фирмы вам ничего не говорит... Однако, думаю, вашим женам оно наверняка знакомо.

Вулф содрогнулся.

— Мы не женаты, — твердо произнес я. — Оба. Именно поэтому ведем себя как мартовские коты.

— Вот как? Что ж, если бы вы были женаты, то ваши супруги непременно знали бы о «Домери и Нидер». Мы шьем платья, мужские костюмы, пальто — все высочайшего качества. Наш модный дом занимает определенное положение. Даже здесь, в Нью-Йорке. Фирму основали двадцать лет назад два человека — Джин Домери и Пол Нидер... Дядя Пол... брат отца. Она...

— Прошу прощения, — перебил ее Вулф, — чтобы сберечь наше время, сразу хочу предупредить, что не занимаюсь промышленным шпионажем.

— Я в курсе, — отмахнулась она. — И вообще, не затем сюда явилась. Я решила обратиться к вам из-за него, из-за моего дяди. Дяди Пола. — Она нахмурила брови и уставилась в окно за столом Вулфа, словно что-то в нем увидела, потом едва заметно пожала плечами и снова перевела взгляд на Вулфа. — Наверняка вам нужно знать предысторию случившегося. Думаю, так все будет понятнее. Домери отвечал за деловую сторону — занимался организацией производства и управлением, сбытом продукции. А дядя Пол являлся дизайнером, модельером. Если бы не он, Домери нечего было бы продавать. Ком-

пания принадлежала им обоим — они имели равные доли. Когда мой дядя год назад покончил с собой... Понимаете, официально объявили, что он свел счеты с жизнью... Так вот, его доля перешла по наследству ко мне.

При этих словах у меня в голове промелькнули две мысли. Первая: я оказался прав, предположив, что наша гостья — весьма состоятельная особа. И вторая: похоже, нам предстоит доказать, что суицид на самом деле был убийством.

— Думаю, вам нужны подробности, — продолжила Синтия. — Несколько слов о себе. Я родилась и выросла на Западе, в Орегоне. Отец с матерью умерли, когда мне было четырнадцать. За мной прислал дядя Пол. Я перебралась в Нью-Йорк и поселилась у него. Он не был женат. Не могу сказать, что мы хорошо ладили. Наверное, потому, что слишком похожи. Я, как и он, человек творческий. На самом деле все было не так уж и плохо. Просто мы постоянно ссорились. Впрочем, когда доходило до выяснения отношений, он всегда мне уступал. Он хотел заставить меня пойти в колледж. Однако я, как уже сказала, человек творческий. Мне было понятно, что учеба обернется пустой тратой времени. Мы ругались из-за колледжа чуть не каждый день. В итоге он заявил, что я должна сама зарабатывать себе на жизнь, раз уж не желаю учиться. И что, по-вашему, он сделал? Предложил мне работу модельера в компании «Домери и Нидер» по самой высокой ставке! Теперь понимаете, что за человек был мой дядя? Чудесный, на самом деле. Он обучил меня азам, помог разобраться в том, что такое дизайн... Само собой разумеется, он пошел на это только потому, что знал о моем необычном таланте.

— О каком именно? — скептически поинтересовался Вулф.

— Модельера. О каком же еще? — ответила Синтия таким тоном, словно все другие таланты просто не заслуживали упоминания. — Все это случилось три года назад. Мне было восемнадцать, опыта никакого... Два года ушло только на то, чтобы освоить профессию. Однако за это время мне несколько раз подвернулась возможность показать, на что я способна. И что самое удивительное, дядя охотно мне помогал. Обычно модельеры ревниво оберегают свои находки и приемы, но

только не мой дядя. А потом он поехал в отпуск на Запад, и от туда пришло известие, что он покончил с собой. Пожалуй, мне следует объяснить вам, почему меня не удивила весть о самоубийстве дяди.

— Пожалуй, — не стал спорить Вулф.

— Да потому, что я знала, как он несчастен. Хелен Домери погибла. Отправилась на прогулку верхом, лошадь понесла и сбросила ее на камни. Хелен разбилась. Она была женой Домери... Дядиною компаньоном. Дядя сходил по ней с ума. Она была моделью в их модном доме... Гораздо моложе Домери... Думаю, дядя Пол за всю свою жизнь по-настоящему любил только ее... Всем сердцем. На этот счет у меня нет никаких сомнений. Хелен не отвечала ему взаимностью. Она вообще не любила никого, кроме самой себя. Полагаю, это не мешало ей, однако, строить ему глазки. Хелен нравилось держать дядю на коротком поводке. Его, которого не могли завлечь в свои сети другие женщины. А от нее это не требовало ровно никаких усилий.

Я не стал фиксировать в блокноте тот факт, что мисс Нидер не одобряла миссис Домери, хотя мог бы под этим подписаться.

— Смерть Хелен полностью сломила дядю, — продолжила Синтия. — Прежде я и представить себе не могла, что человек способен так сильно перемениться. Я еще жила в его квартире, поэтому все происходило на моих глазах. Три дня он молчал — ни словом не перемолвился со мной или с кем-то еще. Не выходил из дому — и это в самый разгар подготовки к показу осенней коллекции! Потом вдруг заявил, что должен отдохнуть. Через четыре дня я получила известие о том, что он покончил с собой. Тогда, в тех обстоятельствах, мне это не показалось странным.

— А сейчас? — спросил Вулф, заметив, что девушка замолчала.

— А сейчас кажется, — с напором ответила она. — Способ самоубийства меня не удивил. Дядя был склонен впадать в экзальтацию и тяготел к драматическим эффектам. Он был не только лучшим дизайнером Нью-Йорка, но и первоклассным

шоуменом. Представлялось вполне естественным, что, заду-
мав свести счеты с жизнью, он, как бы сильно ни страдал, по-
пытается эффектно обставить свое самоубийство. Так вот, он
разделся и прыгнул в гейзер Йеллоустонского парка.

Вулф что-то негромко проворчал. Я посмотрел на девушку
с восхищением: как спокойно, с какой выдержкой она сооб-
щила о происшествии! Впрочем, она жила с этим вот уже год.

— Я читала в газете, что внизу, под гейзером, из-за давлени-
я в подземном канале, по которому бежит вода, ее темпера-
тура значительно выше точки кипения.

— Верная смерть, — буркнул Вулф. — Так что же вас сму-
щает в гибели вашего дяди?

— Да то, что на самом деле он не погиб. На прошлой неде-
ле я видела его здесь, в Нью-Йорке. Он жив.

ГЛАВА 3

Моего оживления как не бывало. Я-то думал, что нам пред-
стоит снять фальшивую личину суицида с убийства, а почуяв
убийство, я всякий раз делаю охотничью стойку. В частном
сыске убийство — нечто вроде стержня, на котором все дер-
жится. Согласитесь, газетный заголовок «Произошло убий-
ство» так и притягивает взгляд. Синтия содрала этот броский
анонс и заменила другим — «Человек остался в живых». Ни-
чего интересного.

Кроме того, мне в голову пришла невеселая мысль: если
дядя Пол жив, значит доля в компании по-прежнему принад-
лежит ему, а не нашей гостье. Отсюда следует логичный во-
прос: а есть ли у нее деньги для оплаты наших услуг? Как
мужчина, я по-прежнему не мог отказать ей в привлекатель-
ности: голос и внешность выше всяких похвал. Однако в про-
фессиональном плане она лишилась для меня притягатель-
ности.

Короче говоря, я расслабился и швырнул блокнот на стол.
Кстати сказать, мой стол расположен таким образом, что стоит
мне сделать пол-оборота в своем вращающемся кресле, и я по-

врачиваюсь лицом к Вулфу, еще пол-оборота — и я уже напротив красного кожаного кресла, стоящего возле его стола.

Именно в это кресло мы обычно сажаем посетителей. Некоторые в нем не смотрятся. Однако Синтия, в клетчатом коричнево-желтом жакете нараспашку поверх темно-желтого, шелкового вроде бы платья и в кокетливом подобии коричневой шляпки, надетой набок, выглядела просто превосходно.

Почерпнувший от Лили Роуэн и из других надежных источников некоторые сведения о модной женской одежде, я решил, что, если Синтия сама придумала этот наряд, Вулфу следует засунуть куда подальше свои сомнения касательно ее таланта.

Тем временем Синтия продолжила рассказ о воскресшем дяде:

— Это произошло неделю назад, третьего июня, в прошлый вторник. Мы устроили для журналистов показ нашей осенней коллекции. Мы не устраиваем показы в отелях, поскольку у нас есть собственный демонстрационный зал на двести посадочных мест. Во время показов для прессы мы впускаем посетителей только по билетам. Иначе народу набьется столько, что яблоку будет негде упасть. Дядю я увидела, когда демонстрировала собственный ансамбль в сине-черных тонах из легкой саржи. Он сидел в пятом ряду, между Агнес Пембертон из «Вога» и миссис Гумперт из «Геральд трибьюн». Не спрашивайте, как мне удалось его узнать. Сама не понимаю. Однако я нисколько не сомневаюсь, что...

— А почему вы могли бы его не узнать? — строго спросил Вулф.

— Да потому, что он отпустил бороду, нацепил очки и прилизал волосы, расчесав их на левый пробор. Понимаю, мое описание звучит нелепо, а дядя Пол всегда чурался эксцентричности. Правда, борода его была аккуратно подстрижена, и потому он не очень сильно выделялся. Хорошо хоть я узнала его далеко не сразу. Иначе просто встала бы столбом на сцене и разинув рот уставилась бы на него. Потом, в костюмерной, Полли Зарелла спросила Бернарда Домери... Это племянник Джина Домери... Так вот, Полли спросила Бернарда, что это

за мужик такой заросший сидел в зале. Бернард ответил, что понятия не имеет. Наверное, журналист из «Дейли уоркер». Понятное дело, бóльшую часть приглашенных на показ мы знаем. Бóльшую, но далеко не всех. Когда я вышла демонстрировать следующую модель — свободное сзади пальто длиной до щиколотки из гобеленовой ткани, — то неосознанно скользнула взглядом по бородачу и совершенно неожиданно поняла, кто это. Не догадалась, а именно поняла. Меня это настолько потрясло, что я прибавила шагу, торопясь уйти со сцены. В раздевалке все мои силы ушли на то, чтобы подавить дрожь. Мне хотелось броситься в зал и поговорить с ним, но как я могла? Это значило сорвать показ. Мне предстояло еще четыре выхода. В частности, я должна была продемонстрировать гвоздь коллекции — облегающее черное в белую полоску платье и жакет из той же ткани, со слегка присборенными у плеч рукавами и двойной юбкой. Одним словом, мне надо было остаться до конца показа. Ну а потом, когда я бросилась в зал, его уже не было.

— Ну-ну, — пробурчал Вулф.

— Да, так все и произошло. Я вышла из зала к лифтам, но он пропал бесследно.

— И с тех пор вы его не видели?

— Не видела.

— Кто-нибудь еще его узнал?

— Не думаю. Уверена, что нет, иначе бы поднялся шум.

Только представьте: человек восстал из мертвых!

Вулф согласно кивнул и спросил:

— А многие ли из присутствующих были знакомы с вашим дядей?

— Да практически все. Он был очень знаменит — почти так же, как вы.

Вулф пропустил комплимент мимо ушей.

— Вы уверены, что видели именно вашего дядю?

— Абсолютно. У меня нет ни малейших сомнений.

— Вы выяснили, под чьей личиной он приходил?

— Мне так и не удалось ничего о нем выяснить, — покачала Синтия головой. — Не хотелось расспрашивать слиш-

ком много народу, а те, к кому я обратилась, ничем не смогли помочь. Понимаете, — замявшись, добавила она, — приглашенные билеты на показ распространяются довольно свободно. Я не говорю, что мы раздаем их первым встречным на улицах, но человеку со связями не составит труда добыть приглашение. А у моего дяди, разумеется, связи были.

— Вы кому-нибудь рассказали о случившемся?

— Никому. Ни единой живой душе. Все это время я пыталась сообразить, что мне делать.

— А почему бы вам обо всем не забыть? — предложил Вулф. — Говорите, вы унаследовали после дяди половину... — Он поморщился. — Этой самой вашей компании?

— Да.

— Что-нибудь еще? Движимое или недвижимое имущество, ценные бумаги, счета в банке?

— Ничего. Он не оставил после себя никакого имущества, за исключением мебели в своей квартире. Адвокат сказал, что у дяди не имелось ни ценных бумаг, ни банковских счетов.

— Негусто, — хмыкнул Вулф. — Но вам теперь принадлежит половина компании. Она кредитоспособна?

— Полли Зарелла говорит, что в прошлом году наши доходы перевалили за два миллиона и дела продолжают идти в гору, — улыбнулась Синтия.

— Ну так махните на все рукой. Допустим, вашему дяде нравится носить бороду и прилизывать волосы. Что в этом такого? Если вы загоните его в угол, заставите побриться, смыть фиксатуар и снова стать самим собой, то лишитесь доли в растущих доходах. Они снова начнут отходить к нему. Я не стану заламывать цену за этот совет.

— Нет, — она решительно помотала головой, — я хочу знать, что происходит. Мне надо выяснить, на каком свете я живу. Я... — Она загнулась и прикусила губу, пытаясь сдержать свои чувства. Природа их оставалась для меня непонятной, но они явно готовились вот-вот вырваться наружу. Взяв себя в руки, она выдавила: — Я очень расстроена.

— В таком случае не торопитесь с решением. — Вулф был с ней на редкость терпелив. — Решения надо принимать на

холодную голову. Кроме того, — он погрозил пальцем, — не смотря на всю вашу убежденность, вы можете заблуждаться. Допустим, вы узнали его, в отличие от всех остальных, потому что делили с ним кров и близко его знали. Однако есть и другие, знавшие вашего дядю не менее близко. Особенно хорошо его должен знать компаньон, мистер Домери. По вашим словам, они проработали бок о бок двадцать лет. Мистер Домери присутствовал на показе? Он видел бородача?

Глаза Синтии широко распахнулись.

— Ой! — воскликнула она. — Разве я не... Мне показалось, я вам уже сказала... Конечно же, на показе был Бернард Домери, племянник Джина. Я о нем точно говорила... Но Джин Домери, компаньон моего дяди... его нет в живых!

Тут глаза Вулфа, полузакрытые на протяжении почти всего разговора, впервые приоткрылись пошире.

— Да ну, черт побери! И что же с ним случилось? Тоже прыгнул в гейзер?

— Нет, погиб в результате несчастного случая. Джин утонул. Поплыл рыбачить и свалился за борт.

— Где это случилось?

— Во Флориде. У Западного побережья.

— Когда?

— Дайте подумать... Сегодня девятое июня... Получается, полтора месяца назад. Может, чуть больше.

— Он был в лодке один?

— Нет, с племянником Бернардом.

— С ними был кто-нибудь еще?

— Нет.

— И половина компании, принадлежавшая Джину, отошла племяннику?

— Да, но... — Синтия нахмурилась и взмахнула рукой. Как я заметил, она любила жестикулировать, причем делала это воистину грациозно, сущее загляденье. — Там все чисто.

— Что именно?

— Глупый вопрос, — решительно произнесла она. — Я просто хочу сказать, что, если бы в гибели Джина было что-то по-

дозрительное, полиция Флориды непременно начала бы расследование.

— Допустим, — не без раздражения согласился Вулф. — Однако что за удивительная череда смертей! Миссис Домери упала с лошади и разбилась. Мистер Нидер прыгнул в гейзер. Мистер Домери свалился за борт и утонул. Это не мое дело, слава тебе господи, но на вашем месте я бы так не полагался на полицию Флориды. Вернемся к вашему дяде, — резко продолжил он. — Чего вы от меня хотите?

На этот вопрос у нее имелся ответ.

— Я хочу, чтобы вы нашли моего дядю. Я желаю его видеть.

— Превосходно. Дело это может оказаться долгим и недешевым. Вы готовы внести аванс в размере двух тысяч долларов?

Синтия даже глазом не моргнула.

— Конечно, — произнесла она тоном миллионерши. — Я сегодня же отправлю вам чек. Надеюсь, вы понимаете, что, как я уже упоминала в самом начале, речь идет о строго конфиденциальном расследовании. Никаких отчетов по телефону. Письменные отчеты передавать мне лично в руки. Ничего не пересылать по почте. Кроме того, у меня есть к вам одно предложение. — Она устремила взгляд ясных голубых глаз на меня, после чего снова перевела их на Вулфа. — Я бы с радостью поведала вам все, что знаю о коллегах дяди. Вот только сомневаюсь, что эти сведения будут вам полезны. Родственников, кроме меня, у него нет. Близких друзей, насколько мне известно, тоже. Кроме Хелен Домери, он никого больше не любил... Ну, быть может, питал теплые чувства ко мне... Думаю, питал... При этом он обожал свою работу и не мыслил жизни без мира моды. Полагаю, в прошлый вторник он явился на показ в первую очередь потому, что не смог остаться в стороне. По-моему, он не понял, что я узнала его. Так, может быть, явится снова? Если да, то, скорее всего, сегодня. Сегодня мы устраиваем большой показ осенней коллекции для оптовиков. Именно поэтому я и попросила вас о встрече сегодня утром. На этот раз ему

даже не понадобится билета. И у меня такое чувство, что он непременно придет. Я знаю, вы практически никогда не отлучаетесь из дому по делам. Но почему бы вам не послать на показ мистера Гудвина? Он сядет в первом ряду. Если я увижу дядю, подам условный сигнал. Единственное, нам надо быть осторожными, чтобы не испортить показ...

Вулф покивал ей.

— Превосходно, — объявил он.

ГЛАВА 4

В тот же июньский понедельник в 14:55 я вошел в дом 496 по Седьмой авеню и проследовал на лифте на двенадцатый этаж.

Поскольку отсюда было всего десять минут ходьбы до особняка Вулфа, изначально я намеревался пойти пешком. Однако Вулфу не терпелось начать тратить аванс, еще и не полученный даже. Он вызвал лучшего в мире сыщика на вольных хлебах Сола Пензера. Вместе с Солом мы загрузились в такси, за рулем которого сидел наш старый знакомый Херб Арансон, к чьим услугам мы часто обращались.

Теперь они оба остались в машине, припаркованной у тротуара. Поскольку Синтия не хотела, чтобы мы брали дядюшку Пола в оборот при большом скоплении народа, оставалось лишь сесть ему на хвост. Вести слежку в Нью-Йорке — дело непростое. Одному с этим не справиться. Поэтому мы хорошо подготовились: я буду следовать за объектом на своих двоих, а Сол — на колесах.

Перед уходом Синтия сообщила еще кое-какие подробности. Хотя по завещанию дяди ей отходила принадлежавшая ему половина компании, в права наследования она пока не вступила. Закон весьма щепетилен, когда речь идет об умерших, чьи останки не обнаружены.

Поскольку одежду Пола нашли рядом с гейзером, никто всерьез не сомневался в том, что он сварился в кипятке, хотя свидетелей самоубийства не имелось. В кармане его куртки

было два письма — адвокату и племяннице Синтии. Они были написаны рукой Пола — с этим никто не мог спорить. Однако из-за юридических тонкостей процедура вступления в наследство тянулась, словно резина.

Насколько я понял, Джин Домери, который свалился за борт и утонул, тоже оставил завещание, и уже полтора месяца тянулась подобная же канитель с передачей его доли племяннику Бернарду. Такая вот картина нарисовалась у меня в голове, когда Синтия в двух словах описала свое положение в компании. Она пока по-прежнему работала манекенщицей, а моделированием в основном занимался некий Уорд Роупер, чье имя она произносила с тем же отвращением, что Уинстон Черчилль — имя Муссолини.

Когда Вулф стал задавать Синтии вопросы, я также узнал кое-что новое о Хелен Домери. Синтия не исключала, что Джин Домери знал об отношениях жены и компаньона, но все же в этом сомневалась — уж очень ловка и хитра была Хелен. Вулф поинтересовался обстоятельствами смерти миссис Домери, и Синтия рассказала следующее. Все случилось за городом на узкой тропинке, когда Хелен и Джин, как обычно по воскресеньям, отправились прокатиться верхом на собственных лошадях. Джин был единственным свидетелем гибели жены. Впрочем, добавила Синтия, теперь уже не так и важно, кто или что послужило причиной трагедии, поскольку сам Джин Домери тоже мертв.

Таким образом, если верить Синтии, заняться расследованием убийства нам не светило. Подвигнуть Вулфа к расследованию могло только наличие клиента с деньгами и веским поводом их потратить. Синтия не отвечала этим условиям. Ее дядя был жив, а за поимку убийцы Хелен Домери девушка не заплатила бы и цента. Что же касается Джина Домери, Синтия соглашалась с выводами полиции Флориды, не усмотревшей в его гибели ничего подозрительного.

Таким образом, когда я вышел из лифта на двенадцатом этаже, меня не мучили ни волнения, ни тревоги.

Я увидел открытые настежь двустворчатые двери и нескольких мужчин на пороге. Приблизившись, я наблюдал, как

грузная дама, ехавшая со мной в лифте и поспешившая выйти из него первой, попыталась зайти внутрь, но один из мужчин заступил ей дорогу и вежливо спросил:

— Разрешите, пожалуйста, уточнить, из какой вы фирмы.

— Универмаг «Дрисколл», отдел пальто и костюмов, город Талса.

— Прошу прощения, — покачал головой мужчина, — но для вас в зале место не предусмотрено.

Неожиданно его лицо осветилось сердечной улыбкой. Я уж было подумал, что он смилуется над приезжей, но обнаружил, что улыбка предназначалась другой даме, худощавой особе с большими, торчащими, как у свиньи, ушами, которая также ехала со мной в лифте.

— Добрый день, мисс Диксон, — сказал улыбающийся мужчина. — Буквально минуту назад о вас спрашивал мистер Роупер.

Мисс Диксон равнодушно кивнула и зашла внутрь. Я аккуратно обошел толстуху из Талсы, которая тряслась от ярости, не в силах что-либо предпринять, и тихим, хорошо поставленным голосом сказал мужчине:

— Моя фамилия Гудвин. Ассоциация «Ткани Британии». Я здесь по приглашению Синтии Нидер. Мне подождать тут, пока вы справитесь у нее?

Он окинул меня взглядом, но я даже глазом не моргнул. Бояться нечего. На мне был шерстяной костюм, сшитый у Бреслоу, и рубашка с галстуком под стать.

— В этом нет необходимости, — наконец заключил он и жестом пригласил меня в зал.

Внутри оказалось битком народу. У меня ушло несколько минут, чтобы отыскать свободное место поближе к сцене, откуда я разгляжу сигнал Синтии. Она должна была левой рукой сдвинуть прядь волос вправо.

Я не видел смысла излишне осторожничать, поэтому, прежде чем сесть, медленно огляделся, как будто искал вокруг знакомые лица. Людей в зале набралось почти две сотни. И я с удивлением обнаружил, что треть присутствующих — мужчины, хотя Синтия объяснила, что на показ соберутся не

только оптовики со всей страны, но и директора магазинов и отделов, президенты, вице-президенты, журналисты, пишущие о моде, торговцы тканями и прочая публика.

Ни одного бородача я не заметил.

Прежде чем опуститься на сиденье, я взял с него блокнот и карандаш. На каждом листе блокнота в верхнем углу было отпечатано: ДОМЕРИ И НИДЕР и адрес компании. Кинув взгляд на соседей, я понял, что должен записывать туда номера моделей, которые собираюсь приобрести.

Справа от меня сидела полная седовласая дама; по ее шее, сразу под ухом, текла капелька пота. Слева расположилась привлекательная женщина с очаровательным ротиком. Она была довольно молода, но для меня все же старовата. И та и другая лишь скользнули по мне равнодушными взглядами.

Все обшитые деревянными панелями стены высокого зала были сплошь покрыты эскизами и фотографиями. Помимо них и нас, сидящих в креслах, ничего примечательного тут не наблюдалось, за исключением высокого подиума в пространстве между стеной позади него и первым рядом кресел. В стене виднелись две двери, отстоявшие друг от друга на двадцать футов. Через одну-две минуты после того, как я опустился в кресло, левая дверь открылась и вышла женщина. По возрасту она годилась мне в матери, но и только. Моя мать и за год не израсходует столько помады, сколько было на губах женщины. Кроме того, моя матушка никогда бы не согласилась на такие внушительные плечики, чего бы там ни требовала высокая мода.

Дама на мгновение застыла, обводя присутствующих взглядом, затем повернулась и дала знак кому-то невидимому за дверью. Затем она прикрыла дверь и направилась к креслу в конце первого ряда, по-видимому оставленному специально для нее. Не успела она сесть, как дверь снова открылась и вышла девушка, на которой я не задумываясь женился бы. Я аж зубы стиснул, чтобы не присвистнуть. Поначалу мне показалось, что мои чувства разделяют все присутствующие на показе мужчины, поскольку зал замер в напряжении. Только потом до меня дошло, что заставило напрячься оптовиков.

Им предстояло сделать ставку: либо пан, либо пропал. На кону стоял их бизнес. Они должны были выбрать из множества моделей, вложить в закупки многие тысячи долларов и не промахнуться, решая, что будет пользоваться популярностью у покупателей, а что — нет.

Любой, будь он даже слеп на один глаз, остановил бы выбор на этой девушке, но тут выбирали не девиц. Манекенщица взошла на подиум, приблизилась к переднему краю, широко развела руки в стороны и произнесла ясным, приветливым голосом: «Шесть-сорок-два». Модель шесть-сорок-два представляла собой ансамбль из платья и пальто, вроде бы шерстяных. Да, пожалуй, это была шерсть. Цвет я назвать затрудняюсь — такого оттенка бывают кленовые листья в октябре. Девушка старательно демонстрировала свой наряд. Прошлась в одну сторону, потом в другую, несколько раз взмахнула руками, будто желая доказать, что швы выдержат, даже если она ввяжется в драку или займется сбором падалицы в саду. Затем повернулась спиной к публике, чтобы продемонстрировать, как одежда сидит на ней сзади. В общей сложности она повторила номер модели раза четыре через равные промежутки времени, четко и любезно. Произносила его так, словно сообщала некую тайну своим закадычным друзьям, в которых души не чаяла. Когда же манекенщица сняла пальто, перекинула его через руку и, вздернув подбородок, улыбнулась зрителям в заднем ряду, кое-кто даже заплодировал.

Она скрылась за правой дверью, и тут же отворилась левая, выпустив еще одно прелестное создание, на котором я тоже не раздумывая женился бы. Эта была блондинкой, в серой меховой накидке, отороченной ярко-красным. «Три-восемьдесят и четыре-девятнадцать».

Прислушавшись к шепоту соседней, я уяснил, что 380 — номер накидки, а 419 — красного вечернего платья, которое девушка продемонстрировала, сняв накидку. Сверху спереди платье было довольно простеньким, прикрывая все, что нужно, а сзади оказалось еще проще — начиналось только от талии, целиком оголяя спину. Сидевшая справа от меня дама прошептала своей соседке: «Черт подери, у меня как раз есть

клиентка, которая бы такое платье с руками оторвала, вот только я не рискну ей его продать!»

Хочу сразу же кое-что прояснить. За весь показ перед нами предстало шесть девушек, считая вместе с Синтией Нидер, и я не задумываясь женился бы на каждой. А почему нет? Каждая продемонстрировала около дюжины нарядов. Кто-то из этих прелестниц появлялся на сцене реже, кто-то — чаще. Под конец я был настолько ошеломлен и обескуражен, что просто не знал, как поступил бы на месте оптовиков, которым приходилось выбирать модели. Скорее всего, купил бы все.

Вечером, доложив Вулфу о том, что поездка прошла впустую, я принялся рассуждать:

— Только подумайте, что было бы, женись я на всех сразу! Мне бы пришлось подыскать квартиру попросторнее. Где-нибудь между Пятой и Мэдисон-авеню, в районе Шестидесятых улиц. Представьте себе: очаровательный осенний вечер. Я сижу в гостиной и читаю газету. Потом отбрасываю газету в сторону и хлопаю в ладоши. Заходит Изабель. На ней кухонный передник до середины икры с двойным подолом. В руках кувшин с молоком и тарелка сэндвичей с ветчиной. Она соблазнительно произносит: «Два-девяносто-три» — и грациозным движением ставит на стол рядом со мной тарелку и кувшин, не проливая ни капли, а затем удаляется. Появляется Франсина. На ней обтягивающая пижама: верх с накладными плечиками и штаны с заниженной талией. Она, кружась, приближается ко мне и четыре раза повторяет: «Девять-тридцать-один», потом прикуривает мне сигарету и, танцую, уходит. Наступает очередь Делии. На ней стильный бюстгальтер из кружева ручной работы с выступающими...

— Пф! — резко произнес Вулф. — А потом заходит еще одна, нагая. В руках у нее корзина со счетами, твоя чековая книжка и ручка.

Что тут поделаешь? К прекрасному полу Вулф относится предвзято.

Однако вернемся к показу. Он длился больше двух часов и, судя по аплодисментам, прошел весьма успешно. По всей видимости, дела «Домери и Нидер» и дальше будут идти в го-

ру. На мой взгляд, звездой показа стала Синтия, в чем со мной были склонны согласиться остальные присутствующие. Ее наряды срывали настоящую орацию, в которую, не скрою, вносил немалую лепту и я. Как гость Синтии, я считал своим долгом от души хлопать именно ей. Из комментариев соседки справа, дамы явно осведомленной, я узнал, что все демонстрируемые наряды Синтия придумала сама. Прочие туалеты создал Уорд Роупер, в прошлом помощник Пола Нидера. По словам авторитетной дамы справа, Уорд был хорошим имитатором, но не более того.

Тем же вечером я все в подробностях изложил Вулфу. Сделал это по нескольким причинам. Во-первых, знал, что ему будет скучно, а мне хотелось его позлить. Во-вторых, желал показать, что не спал во время показа, хотя толку от этого — кот наплакал.

Поскольку результатов от моей поездки было негусто, сперва я изложил их на одном дыхании:

— Следуя указаниям Синтии, я проник в зал, нашел себе место в пятом ряду, окинул взглядом посетителей, числом около двухсот, однако ни одного бородача не увидел. Затем я сел. Мисс Нидер выходила на сцену четырнадцать раз. Условного знака так и не подала. Когда она появилась после окончания показа, ее тут же окружила толпа. Опять же согласно инструкциям, я не стал пробиваться к ней. Спустился вниз, сел в машину, сказал Солу, что на сегодня у нас больше нет дел, и сунул Хербу Арансону десятку.

— Что дальше? — проворчал Вулф.

— Дальше надо думать, а это уже ваш удел. Мы не вправе пойти против воли клиента и поставить на уши полицию. Можем обратиться к частным сыскным агентствам, чтобы они прочесали город. Или попытать счастья на очередном показе для оптовиков, который, как вы знаете, состоится в четверг в десять часов утра. Или же вспомнить, что именно мисс Нидер говорила о личных бумагах дяди.

— Она даже не уверена, существуют ли эти бумаги, — устало отозвался Вулф. — По ее предположению, если они и были, их забрал и спрятал Джин Домери, а теперь в них вцепился

мертвой хваткой его племянник Бернард. При всем том она считает, что способна их отыскать.

— Прекрасно. Значит, вы признаёте, что она способна думать. Почему бы вам тоже не пораскинуть мозгами? Пока вы только возражаете, а думать отказываетесь. Вы подумайте.

Этот разговор состоялся у нас перед обедом. Если Вулф после нашей беседы все-таки решил пораскинуть мозгами, то тщательно это скрывал. Покончив с едой, он вернулся в кабинет и засел за книгу. Ну разве не отвратительно? Как-никак нам поручили расследование.

Вот тогда-то я, дабы сохранить лицо, стал подробно рассказывать о показе в «Домери и Нидер». По крайней мере, это мешало ему читать.

Изложение фактов заняло у меня около часа. Затем я перешел к комментариям: «Только подумайте, что было бы, женись я на всех сразу! Мне бы пришлось подыскать квартиру...» Впрочем, об этом я уже рассказал.

На следующее утро, во вторник, Вулф все так же бездельничал. Когда мы раскручиваем дело, он обычно, пока я завтракаю, дает мне задание, прежде чем отправиться в оранжерею, где с девяти до одиннадцати проводит время с Теодором и орхидеями, а тут ни словом не обмолвился. В одиннадцать утра Вулф спустился из оранжереи, зашел в кабинет, сел за стол, устроился поудобнее, позвонил Фрицу принести пива — два коротких звонка — и снова взялся за книгу. Даже когда я показал ему чек от Синтии на две штуки баксов, полученный с утренней почтой, Вулф лишь равнодушно кивнул. Я возмущенно фыркнул и быстрым шагом направился на улицу. Чтобы заняться хоть чем-нибудь, я решил сходить в банк и положить деньги на наш счет. Вернувшись, я обнаружил, что Вулф по-прежнему поглощен чтением и приступил уже ко второй бутылке. Похоже, он все-таки решил отправить меня в четверг на очередной показ коллекции для оптовиков.

В час дня мы с Вулфом через прихожую прошли в расположенную напротив кабинета столовую, где Фриц подал на ланч куриную печенку с половинками жаренных в масле помидоров, украшенных рубленным сладким перцем и петруш-

кой, а потом рисовые лепешки с медом. Я не особенно налегал на печенку, поскольку очень уж люблю рисовые лепешки Фрица. Когда в дверь позвонили, я уминал пятую, а то и шестую.

Когда мы едим, дверь всегда открывает Фриц. Кстати сказать, Вулф является ярим противником атомных бомб — в первую очередь потому, что их взрыв может отвлечь людей от еды. Поскольку дверь в прихожую была открыта, я увидел, как Фриц идет открывать. Мгновение спустя до меня донесся его голос. Он убеждал кого-то обождать в кабинете, пока Вулф не закончит с ланчем. Что ответил посетитель, я так и не услышал, но различил звуки приближающихся шагов. Мгновение спустя на пороге столовой показался мужчина, одних лет с Вулфом, крепко сбитый, мускулистый, краснолицый и очень злой.

Это был наш приятель — инспектор Кремер, возглавлявший отдел по расследованию убийств. Он подошел вплотную к столу и обратился к Вулфу:

— Здравствуйте! Извините, что помешал.

— Доброе утро, — учтиво приветствовал инспектора Вулф, для которого утро длится, пока после ланча не допит кофе. — Если вы еще не ели, могу предложить вам...

— Нет, спасибо. Я занят и тороплюсь. Вчера к вам приходила некая Синтия Нидер.

Вулф отправил в рот кусок рисовой лепешки. Боже милосердный, мелькнуло у меня в голове, никак нашу клиентку убили!

— Ну? — с напором произнес Кремер.

— Что «ну»? — резко ответил Вулф. — Вы констатировали факт. Какой реакции вы от меня ждете? Вообще-то, я ем.

— Хорошо. Значит, ее визит к вам — признанный факт. Что ей было нужно?

— Мистер Кремер, вам прекрасно известны мои привычки и правила, — произнес Вулф, сдерживая раздражение. — Я никогда не обсуждаю дела за столом. Я пригласил вас к столу. Вы отказались. Если вы обождете меня в кабинете...

Кремер грохнул кулаком по столу. Звякнула посуда. Я подумал, что Вулф запустит в инспектора кофейником — са-

мым тяжелым из всего, что стояло под рукой. Увы, остаться за столом и насладиться этим зрелищем я не мог. В тот самый миг, когда Кремер хлопнул по столу, в дверь снова позвонили. Я решил, что на сей раз не могу доверять встречу посетителя Фрицу. Пройдя через прихожую к парадной двери, я заглянул в стекло с односторонней видимостью, и у меня словно гора с плеч свалилась. Наша клиентка была жива и вроде бы невредима. Именно она и застыла в ожидании на крыльце.

Распахнув дверь, я прижал палец к губам и прошептал: «Ни звука», краешком глаза приметив полицейскую машину, припаркованную у тротуара прямо напротив крыльца. За рулем сидел знакомый мне коп из убойного отдела, который не без интереса на нас поглядывал. Я помахал ему рукой, знаком предложил Синтии войти, закрыл дверь и, взяв девушку под локоток, завел ее в сообщающуюся с кабинетом гостиную, окна которой выходили на улицу.

Она выглядела напуганной, всеми брошенной и замученной, но при этом решительной.

— У нас в столовой полицейский инспектор по фамилии Кремер. Расспрашивает о вас. Желаете с ним увидеться?

Синтия ахнула и посмотрела на меня так, словно силилась вспомнить, кто я такой.

— Я с ним уже виделась. — Она огляделась, заметила кресло, подошла к нему и села. — Они мне... Они допрашивали меня... Несколько часов...

— Зачем? Что случилось?

— Мой дядя... — Она подалась вперед и закрыла лицо руками, но потом посмотрела на меня и произнесла: — Я хочу видеть Ниро Вулфа. — Затем снова уткнула лицо в ладони.

Я понял, что Синтия еще не скоро будет в состоянии связно разговаривать, поэтому сказал:

— Оставайтесь здесь. Сидите тихо. Стены тут звуконепропускаемые, но шума поднимать все равно не стоит.

Вернувшись в столовую, я обнаружил кофейник на прежнем месте, однако битва была в самом разгаре. Вулф стоял, оцепеневший от ярости.

СОДЕРЖАНИЕ

ТРИ ДВЕРИ СМЕРТИ

Перевод Н. Вуля

Оживший покойник	9
Цветов не посылать	85
Дверь смерти	153

ДАЖЕ В ЛУЧШИХ ДОМАХ

Перевод А. Санина 221

И ТРИЖДЫ БЫЛ ОПУЩЕН ЗАНАВЕС

Перевод А. Ковжуна

Крылатый пистолет	449
Одной пули достаточно	524
Маскарад для убийства	594